

Принимая на всё благословение от архиерея, в течение седмицы <пресвитер> ежедневно совершает Литургию по Уставу, чтобы научиться своему делу и чтобы священнодействие продолжалось непрерывно в течение семи дней, означающих <символически> всю земную жизнь нашу, и дабы, совершив служение в теперешней жизни, достигнуть <небесного> бесконечного священнослужения и непосредственного общения со Христом. При этом, как получивший великий духовный дар, он должен, по числу даров духовных, в течение стольких же дней непрестанно совершать дела благодати.

**Святитель Симеон Солунский (кон. XIV в. — 1429)
Премудрость нашего спасения**

Протоиерей Михаил Рязанцев

Молодым священникам нужна духовная поддержка

О ПРАКТИКЕ ПРОХОЖДЕНИЯ
СТАВЛЕННИЧЕСКОГО СОРОКОУСТА

Ценный опыт, который в последние десятилетия появился в Русской Православной Церкви, — это практика «сорокоуста» для тех, кто недавно принял благодать священства. О том, как ставленники постигают богослужебные традиции и с какими трудностями сталкиваются, рассказывает ключарь Храма Христа Спасителя протоиерей Михаил Рязанцев.

— Ваше Высокопреподобие, как и почему появилась практика для ставленников в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя? Как она изменилась за последние годы?

— Эта традиция сформировалась при Святейшем Патриархе Алексии II. Ранее на приходах рукополагали мало, в основном это происходило в духовных учебных заведениях. Когда же современная церковная жизнь уже получила достаточное развитие, возникла и необходимость, и возможность введения практики для ставленников. Она длилась ровно 40 дней, это был в полном смысле слова сорокоуст.

В разных епархиях практику проходят по-своему. Надо сказать, что в Московской городской епархии большую часть иерейских хиротоний сейчас совершает сам Святейший Патриарх

Кирилл, потому что считает, что должен лично познакомиться с человеком, на которого будут возложены руки.

Священник вечером того же дня после хиротонии приходит в наш храм и начинает служить. Кроме Храма Христа Спасителя, рукоположенных священнослужителей могут направить для этого в Богоявленский собор в Елохове, в храм Вознесения Господня у Никитских ворот или в храм Мартина Исповедника.

Изначально речь шла именно о 40 Литургиях подряд. Но не так давно к богослужебной практике прибавилась еще и практика социального служения. Сначала решили попробовать урезать богослужебную практику до 30 дней, а на оставшиеся 10 клирик поступал в распоряжение епископа Пантелеимона — руководителя

Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению.

Но в итоге оказалось, что этого срока недостаточно, чтобы освоить основные премудрости богослужения. На последнем расширенном заседании Епархиального совета я обратился к Его Святейшеству с просьбой вернуть 40-дневные богослужения, и это решение было принято. Считаю, что этот срок — минимальный для того, чтобы практикант почувствовал себя уверенно.

Ставленнический сорокоуст проходят и священники, и диаконы. Это не только совершение Божественной литургии, но и другие чинопоследования и требы. Все начинается со служения молебнов, потом вводим молодого священника в совершение Таинств крещения и венчания.

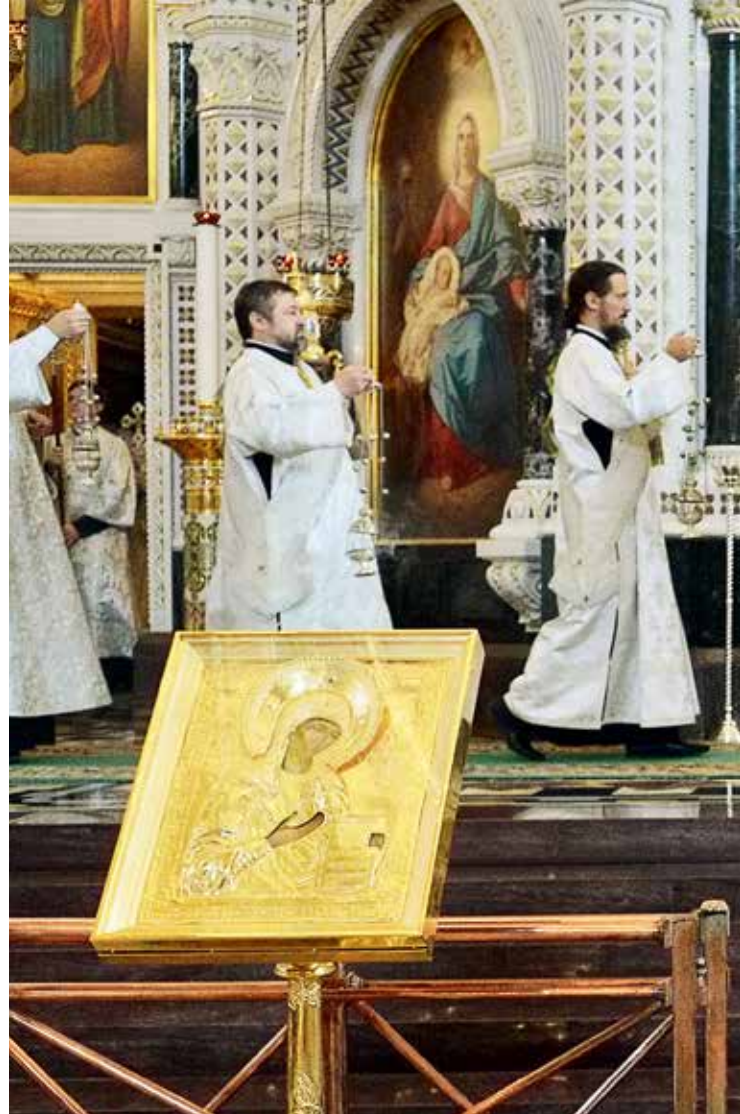
— Люди, которые приходят крестить своего ребенка или венчаться, не против, чтобы Таинство совершал неопытный священник?

— Возражений у нас никогда не было. Кроме того, если новорукоположенный не имеет достаточно знаний, он сначала в течение определенного периода времени сослужит более опытному клирику, смотрит на все со стороны. Конечно, многое зависит от предшествующего опыта человека. В течение первой недели мы смотрим, понимает ли он, как схватывает суть — быстро или ему нужна «раскачка».

Уровень подготовки ставленников, которые сейчас приходят к нам, разный. От очень хорошо подготовленных, которые буквально за три дня все осваивают, хорошо знают служебник и готовы показать свои знания на практике, до тех, кто с трудом ориентируется в своих новых обязанностях.

— Но ведь молодой священник после духовных школ уже должен знать литургику на определенном уровне?

— По моему мнению, раньше, когда семинария была средним учебным заведением, там давали более серьезную подготовку именно к совершению богослужения. Например, у нас литургику, а также предмет «Практическое руководство для пастырей» преподавал будущий митрополит Астраханский и Камызякский Иона, который тогда был благочинным Покровского академического храма. На уроках мы в основном занимались практическими вопросами, можно сказать, что по ним нас прямо «натаскивали».

Преподаватель добивался, чтобы мы усвоили порядок богослужения, и то, что он нам привил и объяснил, до сих пор держится в голове. Да, мы мало занимались вопросами истории богослужения. Зато, когда пришли служить, все нам было знакомо и понятно. Сейчас в семинариях главный акцент делается на науке, языках и других предметах. И мы замечаем, что не все семинаристы считают важным уделять достаточное время практической литургике.

Но помимо знаний, полученных в духовных школах, сегодня существует еще и особая подготовка перед хиротонией. Эти обязанности распределены по викариатам. Где-то более серьезно к этому подходят, где-то менее, и, к сожалению, слабая подготовка всегда очень заметна.

Святейший Патриарх Кирилл в последнее время все больше обращает внимание на подготовку молодых священников. Сейчас к этому начали подходить более строго. Ранее, если клирик проходил практику неудовлетворительно, это оставалось только на его совести. Теперь после

**ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ
СОРОКОУСТА
МЫ ПИШЕМ
ХАРАКТЕРИСТИКУ –
НАСКОЛЬКО, ПО
НАШЕМУ МНЕНИЮ,
ЧЕЛОВЕК ПОДГОТОВ-
ЛЕН К САМОСТЯ-
ТЕЛЬНОМУ
СЛУЖЕНИЮ**

окончания сорокоуста мы пишем характеристику — насколько, по нашему мнению, человек подготовлен к самостоятельному служению.

— *Может ли быть курс продлен по необходимости или, наоборот, сокращен для преуспевающих кандидатов?*

— Таких случаев у нас пока еще не было. Хотя в воспитательных целях клирикам приходится и «грозить»: будешь практиковаться, пока не научишься правильно служить.

Даже за 40 дней человека невозможно научить всему. Литургию они могут освоить, со-

вершение треб, Таинств, молебнов и прочих служб, а вот, скажем, великопостные службы могут остаться без должного внимания, потому что не все проходят практику в этот период. Или наоборот — те, кто служит у нас во время Великого поста, не так часто служат Литургию.

— *Для молодых священников практика в Храме Христа Спасителя — это сложное испытание? Не слишком ли тяжело новорукоположенному служить ежедневно, без выходных?*

— Введение ставленнического сорокоуста преследовало чисто практические цели. Потому

что, когда человек приходит служить, он сначала может чувствовать себя неуверенно, бывает и дрожь в голосе или в коленях. Боятся не туда повернуться, сделать что-то не так...

Мы стараемся объяснить молодому священнику, что волноваться не стоит. Ведь он пришел сюда, чтобы учиться, и поэтому не должен бояться ошибок. Конечно, сложнее, если человек делает одну и ту же ошибку каждый раз на одном и том же месте. Но чаще всего исправляется — в этом и есть личностный рост, совершенствование.

Очень хорошо, если после практики молодой священник попадает к опытному настоятелю.

А вот если его самого назначают настоятелем и на него сваливается множество попечений, то это уже труднее. Поэтому я советую пользоваться моментом, когда можно только служить и полностью вникнуть в суть богослужения. Читайте служебник, и лучше между службами,

а не во время, когда надо не только смотреть последование молитв, но и видеть, что происходит вокруг! Практика — это время, когда ты освобожден от всех других своих обязанностей. Оно дается на постижение практического смысла богослужения.

Бывает, что после месяца практики чистый служебник оказывается весь испещрен комментариями, пометками, указаниями. Думаю, в будущем такая книга становится для священника дорогой памятью об этом времени.

— Когда проходит волнение и появляется хотя бы минимальный опыт для молитвы? К пятой, к десятой службе?

— Это сложный вопрос. Вероятно, это происходит, когда новые священнослужители покидают стены этого храма. Недели две после хиротонии клирик приходит в себя, потом у него, образно говоря, начинает проясняться сознание, и он уже ориентируется в своих действиях. Затем полученные навыки нужно закрепить. Я всегда говорю: нужно почувствовать опору под ногами, а все остальное приходит с опытом. Необходимые основы в результате осваивают все, но дальше многое зависит от личности священнослужителя.

Разумеется, нельзя обобщать, потому что иногда приходят уже подготовленные клирики. Мелкие огрехи бывают у всех, практика существует как раз для того, чтобы их убрать.

В духовном смысле, поскольку человек на первых службах часто возбужден и боится ошибиться, говорить о какой-то сугубой молитве трудно. Я сам через это проходил. Со временем приходит и спокойствие, и уравновешенность, и уверенность в своих священнодействиях, и тогда уже начинаешь молиться как должно. Это приходит уже после сорокоуста.

— Кроме волнения, с какими еще психологическими и духовными проблемами сталкиваются молодые священники?

— Мой опыт показывает, что молодым священникам нужна духовная поддержка. В этом году было принято решение, чтобы новопоставленный священнослужитель два раза в неделю мог общаться с духовником по вопросам своего состояния. Это очень своевременно.

Надо помнить, что служение не происходит только механически, есть и духовная, и душевная сторона. На личность и труд священника влияет также и то, как выстроены взаимоотношения в его семье, и то, как изменилась его жизнь после рукоположения. Тут, конечно, могут подстерегать какие-то проблемы. Эти вопросы и надо обсуждать с духовником.

Вообще 40 дней — не такой большой срок, чтобы можно было испытать все разнообразие чувств и психологических состояний, которые проходит священник после рукоположения. Если приходят люди, которые сильно волнуются, то хорошо, если к концу практики они начинают действовать увереннее. А если приходят уже с определенным опытом, тогда могут служить даже сразу с явным удовольствием. Бывает и так, что клирика рукополагают, а он уже где-то несет послушания: в епархии или в викариатстве, и ему приходится между службами заниматься еще и своими служебными обязанностями. Таким людям, конечно, сложнее.

— Что должно быть итогом практики — знание наизусть чинопоследования? Есть ли практические «секреты» в обучении?

— Очень важна степень самоподготовки. Хочется уже сейчас пожелать алтарникам или диаконам, которые думают о священническом сане, чтобы они не замыкались на своих обязанностях и смотрели шире. Кто знает, когда Промысл Божий призовет к служению? Хорошо заранее начать готовиться к принятию сана.

То, что происходит в алтаре, например, во время Херувимской песни, — происходит в динамике, и, конечно, священник должен уже знать все диалоги с диаконом, успеть снять покровцы со священных сосудов и покрыть их воздухом. Как правило, именно на этом практиканты стопорятся, и никто ничего не может вспомнить. К этому моменту надо готовиться.

Что касается «секретов», то, например, стал уже классическим способ удерживать под локтем книгу во время каждения. Без этого иногда поначалу руки «разлетаются» и уголь может вылететь. Или еще все повороты учу делать только через правое плечо. Многие делают по-другому. Конечно, ничего сакрального в этом нет, но, когда все делается чинно и по определенному порядку, это помогает прихожанам, не рассеивает внимание, не отвлекает от молитвы.

— Как вы сами, будучи молодым священником, справлялись с трудностями, о которых сейчас рассказали? Что было самым сложным и насколько ваша практика отличалась от той, которая есть у молодых священников сейчас?

— Лично я не проходил сорокоуст в том виде, в каком его проходят сейчас. Меня рукоположили в диаконы, когда я еще иподиаконствовал у Святейшего Патриарха Пимена. Мое служение было в основном на его службах в субботние и воскресные дни, да и то не всегда, поэтому диаконская практика у меня небольшая — всего год.

После священнической хиротонии меня назначили в Новодевичий монастырь. Когда я туда пришел, у меня тоже не было сорокоуста, но мне помогали старшие священники. Для меня лично это не было какой-то особой проблемой. Мой отец был священником, и я все видел с детства. Пожалуй, трудностью было вникнуть в смысл читаемых молитв. Хотелось успевать не только совершать какие-то необходимые действия, но и молиться от всего сердца, а это не получалось.

Но я достаточно уверенно себя чувствовал даже на первых службах. И потому мне не понятно, как иногда так получается, что рукополагаются дети священников, а у нас на практике потом оказывается, что их знаний недостаточно.

— Кто еще, помимо Патриарха Пимена, был для вас образцом служения?

— Главным примером для меня был мой отец — протоиерей Иоанн Рязанцев. Кроме то-

о котором, к сожалению, иногда помышляет нынешнее духовенство. Никто из них об этом не думал. Такие примеры были у меня перед глазами, и я сейчас стараюсь им подражать, продолжать московскую традицию богослужения.

— Какие особенности служения Литургии, характерные для этих замечательных пастырей, вы считаете важным донести до молодых священников?

— Московская традиция служения всегда отличалась благолепием, богослужение было красивым и вдохновенным. Я помню еще в советские времена, как к нам в гости приехал священник из Ленинграда — они вместе с моим батюшкой учились в семинарии. Когда они поехали по нашим московским храмам, то гость удивился: «Как у вас благолепно в храмах! Красота, чистота, порядок». Ясно, что он имел в виду не красоту архитектуры или интерьера, а именно отношение к храму как к святыне. У нас даже бабушки прибирались в храмах после окончания службы с особенной любовью — чистили подсвечники, протирали полы, каждый уголок. Это делалось не просто по обязанности. Люди воспринимали храм как святое место, где должен быть особый порядок.

Я часто говорю диаконам, которые у нас проходят практику, что служение начинается с выхода на ектению. Он еще ничего не произнес, а люди уже видят его и настраиваются. Одно дело, когда он выходит опрятный, идет благоговейно, уверенной поступью, спокойно. Но если опрометью «вылетают» из алтаря и начинают торопливо или небрежно совершать крестное знамение, то это очень нехорошо.

Настроение священнослужителя всегда передается людям. Если диакон или священник благоговееет перед тем, что он делает, то это благоговение по особому Божию произволению переходит на людей. И даже не только на молящихся, но и на тех, кто заходит в храм из любопытства.

В Храме Христа Спасителя и клирики, и другие служащие стараются сохранить дух традиционного московского богослужения. Поэтому молодые священники могут получить здесь хорошую практику. Нельзя сказать, что это какой-то очень большой опыт, но хотя бы главному они успевают научиться.

Беседовала Антонина Мага

40 дней — не такой большой срок, чтобы можно было испытать все разнообразие чувств и психологических состояний, которые проходит священник после рукоположения.

го, когда я служил в Богоявленском соборе, мне посчастливилось служить вместе со многими достойнейшими священнослужителями. Например, такими, как протопресвитер Виталий Боровой, протопресвитер Матфей Стаднюк. Он подавал нам пример: приходил на раннюю Литургию и читал записки, а потом шел служить позднюю Литургию.

В Новодевичьем монастыре я учился у священников Леонида Кузьмина, Сергея Суздальцева. Они были разными по характеру и менталитету, но этих пастырей объединяло особое благоговейное отношение к богослужению. Эти люди прошли если не через прямые гонения, то через серьезные унижения точно. И когда они принимали сан, они знали, на что идут, но у них была вера и желание послужить Богу и людям. Это чувствовалось: они шли не за карьерным ростом,